

ВЛАДЕЛЬЦАМ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

● Госстрах проводит добровольное страхование средств транспорта и возмещает ущерб их владельцам в случае повреждения или гибели средств транспорта в результате аварий, различных стихийных бедствий, а также при их похищении или угоне.

● Находящиеся в личной собственности граждан автомашины, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, моторные, парусные, гребные лодки, катера и другие суда можно застраховать на один год или на срок от 2 до 11 месяцев.

● Плата за страхование устанавливается в зависимости от вида транспорта, размера страховой суммы и срока страхования и вносится при заключении договора. Если годовой платеж превышает 30 рублей, то уплатить его можно за два раза: половину суммы — при заключении договора, а оставшуюся сумму — в течение 4 месяцев после вступления договора в силу.

● Внести платеж можно наличными деньгами или путем безналичного расчета.

● Лицам, страховавшим средства транспорта в течение двух и более лет без перерыва и не допустившим за это время по своей вине аварий, Госстрах предоставляет скидку в размере 10%, а в течение трех и более лет — 15%.

● Подробно ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно у страхового агента или в инспекции Госстраха.

Госстрах РСФСР

ОГОНЁК

№ 5

1988

Марис ЧАКЛАЙС

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

ЖДУЩИЙ ЗНАКОВ

Марис ЧАКЛАЙС

ЖДУЩИЙ ЗНАКОВ

СТИХИ

Перевод с латышского

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

Марис ЧАКЛАЙС

Марис Албертович Чаклайс родился 16 июня 1940 года в городе Салдус, в Латвии. Окончил историко-филологический факультет Латвийского государственного университета. Более 20 лет проработал в рижских газетах и в издательстве «Лиесма».

Лауреат республиканской премии имени Андрея Упита и премии Ленинского комсомола Латвии.

Заслуженный деятель культуры Латвийской ССР.

Первая книга стихов на латышском языке «Понедельник» вышла в 1965 году. Затем были изданы сборники стихов: «Пешийход и вечность» (1967), «Голос листка» (1969), «День травы» (1972), «Час пик» (1974), «Человек, вспаханная земля» (1976), «Огонь в ручье» (1978), «На моей лестнице» (1979), «Озеро часов» (1979), «Курземская тетрадь» (1982), «На расстоянии человеческого зова» (1984).

Вышло несколько книг эссе и стихотворных книг для детей.

В переводах на русский язык выходили сборники стихов: «Пешийход и вечность» («Молодая гвардия», 1969), «День травы» («Художественная литература», 1973), «Зов лесного голубя», «Огонь в ручье» («Советский писатель», 1978, 1985). А также книги на польском, английском, украинском, армянском, узбекском языках.

Переводил стихи на латышский язык М. Цветаевой, В. Хлебникова, И. Анненского, Р. М. Рильке, Б. Брехта, П. Целана, И. Бобровского, Г. Энценсбергера, М. Радноти, Н. Хикмета, А. Новомесского, Г. Эмина, П. Севака, М. Мартинайтиса и других поэтов.

ПОДАРИ МНЕ

Подари мне шепот этого мира —
громкость я уже не в силах выдержать.
Эту же помпезную речь,
эту же грохочущую улицу
пусть он попытается вышептать.

Подари мне магнитофонную ленту
звездных разговоров —
я не мог никогда понять,
о чем они шепчутся.
Но они никогда не кричат.

Они и без крика
огромны.

Подари мне
одно забытое нежное слово,
совсем незначительное,
такое незначительное,
как голос листка,
который держится на голой
декабрьской ветке.

В САД

— Я опять хочу в далекий сад, туда,
где у каждого листа своя судьба.
Свой у каждого решетчатый просвет.
Листьев нет похожих, жизнью тоже нет.

— Что там делать — дни короче, и святой
трепет осени над тихою листвою.

С каждым утром жизнь уходит навсегда.
Что в саду? Упрямых веток нагота.

— Да, я вижу, листья жгут. Печальный дым.
Но еще за ветку держится один,
как в последнем поцелуе... Вниз летит
птица, сшибленная влет, но лист блестит.

— Понимаю, в сад идти, когда цветы
иль с ветвей свисают зрелые плоды.
А сейчас? День бродит, вымокнув дотла.
Лучше дома — в тишине, среди тепла.

— Это мудро: на мгновенье умереть,
прорасти опять, цвести и облететь.
Надо знать не только солнце — надо знать,
как мы выдержим, когда начнет хлестать

осень ветром и обыденностью нас
и никто нам не откликнется: «Сейчас!»

— Говорю тебе еще раз — не ходи.
Тот, кто цвел, — уже отцвел, все позади.
Ну, а если не слушаешь, пойдешь —
боль ободранных деревьев обретишь.

— Пусть болит. Пускай во мне переболят
боли всех других. Я в сад хочу, в сад, в сад...

КАК СПЯТ ДЕТИ

Взгляните ночью,
невзначай взгляните ночью —
спят дети так,
что становится невозможной война.

Руками обхватив
трусливых зайцев, храбрых мишек
иль край подушки обхватив, —
разметавшись,

в самых невероятных позах спят
дети.

Улыбка
ушедшего дня
или будущая боль —
кто знает!

Но притаилась
на губах пичуга —
нежные крылья спокойного сна.

Так доверчиво
спят дети,
что становится невозможной
война.

Любая война.

И поэтому
еще страшней
ее возможность.

* * *

На земном шаре,
под солнцем
нас четыре с половиной миллиарда.
Латышей — полтора миллиона.
Это как в море полторы капли.
Какая у полутора капель
может быть песня о солнце?
И все-таки
на земном шаре
под солнцем
есть Латвия,
на земном шаре
под солнцем
есть латыши,
на земном шаре
под солнцем
есть у народа песня о солнце:

«Вставай, солнце, утром рано,
поздним вечером зайди,
согревай нас на рассвете,
на закате пожалей».

КРЫЛЬЯ

Визме Бельшевиц

Когда сентябрь
зовет журавлей из болот,
лебедям на каналах обрезают крылья.
Как во сне к нам приходят
самолеты,
на которых мы никогда не летали,
так к лебедям во сне
приходят крылья.
Сверху —
блестящие перья,
снизу —
нежный пух,
в котором осенней ночью
можно согреть клюв.
Надежные,
верные
крылья.
Если хвост оторвать у ящерицы,
он отрастет.
Но станет короче.
Крылья отрастут и у лебедей.
Но станут короче.
С каждой осенью, с каждым разом —
короче.
Смотрите,
как голубоглазые добродушные мужчины
укорачивают мечту!
И весной, когда я вижу
лебедей,
я думаю — красота ли это,
если она оплачена
такой ценой?

СТАРОЙ РИГЕ

Прости, но я пришел не воспевать —
вместо меня другие это сделают.
Я проводить тебя пришел в дорогу белую,
жизнь коротка — и мне не передать

седую мысль булыжной мостовой
и то, что в полночь крыши обсуждают,
что стены думают, свет заслонив собой,
и мысли темноты, когда светает.

Орган гудит, послушай, что-то древнее,
но так знаком мне звуков тех полет.
Стараюсь, но звучит недостоверно,
не так. И кто-то вновь меня зовет,

с портала сходит с каменным лицом
и каменные руки — мне на плечи.
Его я не заметил днем,
и потому мне странна радость встречи —

назло разлуке, вековой бездне...
Он, подмигнув, посмотрит мне в глаза:
«Знакомые вы нам поете песни,
но слабоваты ваши голоса».

Плечом к плечу века стоят, как братья,
что перед ними все мои права?
Но я хочу услышать их слова.
Для этого, быть может, должен стать я

корнем вяза — меж твоих корней,
крепким камнем — меж твоих камней?

ДЕТСТВО

Горечь военных обид
сердце не вдруг забывает.
Мальчик на небе сидит
и на свирели играет.

Ах, ничего, ничего,
что не на небе, — в сарае.
Музыка лечит его,
образы горя стирает.

Музыка льется рекой,
луг оmyвает и рощу.
Птицы волшебной такой
музыкой горло полощут.

И облака, облака...
Каждое блещет и тает.
Кажется, издалека
будущее проступает.

Как одуванчик блестит!
Масленный, он вместо масла.
Горечь военных обид
в музыке летней погасла.

Радость и боль на весах
взвешены, жизнь зацветает.
Мальчик сидит в небесах
и на свирели играет.

КУРЗЕМСКАЯ БАЛЛАДА 1947 ГОДА

Так и лежали они — под красным куском материи, измученные, искалеченные. Молчаливо — мужчины накрыли их крышками, молчаливо их вынесли из Народного дома, молчаливо подняли на плечи, и машины отправились в путь по весенней хляби. И зазвучала музыка —

сперва сурово и торжественно,
а после тише и нежней,
всеутешительница музыка
владела душами людей.

И лишь тогда мы осознали,
какая тяжесть плечи гнет.
Плывет за гробом гроб над нами,
над веком скорбный марш плывет,

плывет дорога, звуки, птицы,
подснежников тревожный свет,
и проигрыши, и победы,
и наша жизнь, и наша смерть,

плывет стон матери: «Сыночек!» —
и, разметав крыла, плывет
орел надежды окровавленный —
сорок седьмой год,

плывут беременные вдовы,
плывет белоголовый май,

цвет яблоневого, шелестящий:
прощай, прощай, прощай, прощай,

Плывут детей худые плечики,
они теперь взамен мужчин,
и эта траурная музыка
над миром траурным звучит.

Это было после — мы узнали, что в оркестре играли
бандиты, совершившие прошлой ночью нападение, это было
после; тогда мы этого не знали;

но музыка — светла, торжественна,
но музыка — тиха, нежна,
она же чистыми ногами
тогда по нашим душам шла.

И все же странное столетье:
всей щедростью языка
тебе играет марш последний
убийца твой — твой музыкант.

Неведомо мне — век ли это,
я только помню, как плывет
орел над белобрысым детством —
сорок седьмой год.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ, СЛЕПОЙ ХУДОЖНИК ПОКАЗЫВАЕТ СВОИ КАРТИНЫ

...видите, а вот это — мой Завтрак.
Мужики на окраине поля —
светит солнце такое в их лицах,
будто сами его заработали.
Где сейчас эти парни, кто знает,
на окраине поля какого,
на каком свете? Нет, слава богу,
за моим они Завтраком все.

Время взвешивали стенные часы,
перебрасывая из руки в руку. Гости
переглянулись.

...а это — моя Обеденная пора.
Здесь — сады, и сады, и сады,
у которых и времени нету
для теней. А в одном уголке
мак дрожит беззащитный. Я даже
не могу объяснить появления
мака в юбочке лепестковой
на фоне Обеденной поры,
на фоне полного сада...

И теперь словно в двери стучали часы,
как сосед, что пришел с новостями.
У жены глаза полны слез.

...и это — мое Вечернее солнце.
Не смотрите, что сплошь одно небо, —
под чертой сократились леса,
затянулись перед зимою
тучи все, что мы видели в детстве,
чудища, что пугали людей,
расцвели все вечерним садом —
твоя бронза, твой век золотой,
Эльдорадо другого не будет.

И в глазах у жены — ни слезинки.
На часах кукушка кукует.
И на стенах нет ни картины.

* * *

Как цветет природа,
когда без нас остается.
Как дети без нас свободны
в мире своем.
Нет, мир — не нами
построенный дом,
но сдается,
что здесь нам остаться придется,
здесь наш дом.

Следами ночных фиалок
кто-то идет навстречу,
яртышник — кукушкины слезы —
движется едва.

Как хорошо, что есть еще
несъедобное, вечное,
что есть еще такая
спасительная трава, -

которая охраняет
от наших рук и взглядов,
и остаются затоны, которых
не замутить никогда.
Звучит, как и у вас,
голос глубоких вязов.
Нет, кукушка кукует
не только года.

Светлый налет цемента
садится на панты оленей,
дымят далекие трубы
над спасительною травой.
Как же всё вместе на этой
земле зверей и растений!
Как невидимка природа
играет с тобой и со мной.

НА БАШНЕ СЕРЕБРЯНО-СЕРОЙ...

На башне серебряно-серой
часы отбивают звонок.
Так поздно? Так много? Так долго?
Динг-донг-донго.

За пять секунд до звучания гонга
прошелестели крылья.
Ворон эскадрилья.
Куда они? Что за гонка?

Страху часы работают.

Меняется время года и мода,
но раз в неделю на башне
звонарь заводит, как встарь,
часы, издающие звон.

Кто заводит ворон?

ЗАРАСТАЮЩЕЕ ОЗЕРО

Я буду любить вас. Любовь моя будет смущенной и робкой
вначале,
но гибкой, как водоросль, как камыши в непогоду, как
водные дали.
Я буду дрожа целовать животы распластавшихся лодок и
руки, что срежут кувшинку.
Еще раз камыш отцветет, и еще раз утята взлетят,
разорвав паутинку,—
я буду любить вас все больше и больше, все пуще—
купальщиц, жуков водяных, всех летящих, плывущих, ползущих.
Я всех полюблю в этой маленькой стройной вселенной,
где тонут дворцы, тихо светятся омуты тьмой и русалки
зевают блаженно,
где даже стрекозы, летая в просторе безбрежном,
смеются над чувством моим, и глубоким и нежным.
Вы рано вернетесь, кружась над водой, что оставил я вашей
свободе,
ведь вам это нужно и свойственно вашей природе —
не знать, как сжимается тихо кольцо камышей,
что идет в наступленье,
любуюсь собою, не видеть во мгле ослепленье,
как мягко и сладко, ничем не нарушив покоя,
сомкнется над озером это кольцо роковое.

ПРОБЕГ

Когда воскресенья с субботами
забыты, забиты заботами,
а месяцы, сутки, недели
мечутся, словно метели,
а мы застекляемся и удивляемся,
что слышим друг друга так плохо,
а мы над кукушкой хохочем от страха,
но хватъ за карман — где копейка? — нашлась,
птицы в гнездах кричат, дети — в яслях районных,
на мостах мы толпимся, на мосточках бодаемся,
ожидаем чего-то и не дожидаемся —
никто не спасется от исступленья,
латыш или турок — разницы нет,
в этом пробеге — три ступени:
видимость, иллюзия, бред!

ЗЕЛЕНОЕ КУКУРУЗНОЕ ПОЛЕ

Туч химеры плывут стороной.
Покорми ты их и успокой.

Псине глаз от тебя не отвести:
Дай приبلудной собачке поесть.

Кто сказал, что не надо давать?
Дашь сегодня, а завтра — опять.

Ишь, лохматая... Не приставай.
Так скормлю тебе весь каравай.

Кукурузная зелень по всей
ширине говорит: не жалея,

птиц корми, и метель, и беду.
Всех корми, пусть твою доброту

помнят все, не гони, не томи,
лишь химер никогда не корми.

ЧЕЛОВЕК РАЗГОВАРИВАЕТ С ЛОШАДЬЮ

Сквозь метель или сон,
Но придите—
столько слов накопилось в груди,
к нам скачите иль мимо скачите,
только поговорите с людьми!

Пусть останется тайною ржанье,
доносящееся из тьмы,
пусть звучит над лугами ночными,
только поговорите с людьми!

Как цветы, расцветайте под солнцем,
где тоскует любовь по любви.
Пусть земля наша скачет под солнцем,
только поговорите с людьми!

Улетают ли кони без крыльев,
словно дым или соловьи?
Не сказать ни словами, ни ржаньем.
Ну, тогда помолчите с людьми.

ДЕНЬ УКРОПА

День укропа, день в дурмане,
горе, сладкое, как тмин.
Без очков душа в бурьяне
огуречных именин.
Как планета — из сарая
перебежкой громовой
бочка жаркая, сырая
оставляет след кривой.
Прямо в братскую могилу
доброволец-лист идет.
Опустился через силу,
как взошел на эшафот.
Огурец уже на месте,
добросовестный службист.
Как разборчивой невесте,
свекле твист милей, чем Лист.
Осознав, что все в порядке,
циник, жизнелюб, толстяк,
на своей уютной грядке
ухмыляется желтяк.
Тлеет, веет, полыхает
в лабиринте летних троп,
пахнет он, благоухает,
он главенствует, укроп.
Нынче наши ноздри шире,
ноздри как у лошадей.
Завтра будет осень в мире
и для звезд, и для людей.
Справив это новоселье,
прежде чем листве конец,
Каин-пьяница с похмелья
съест соленый огурец.

ТОРФ ГОРИТ

Еще земля тверда, еще течет
дорога, как река, и блещет сад,
а на пятиэтажной глубине
таится ад.

В асфальте вязнут ноги; тяжело
дыхание подземного тепла;
затянут черной марлей горизонт,
летит зола.

И роща оседает в яму; птиц
жаль, крылья их обуглены; в гнезде
птенцы не вылупятся из яиц;
гарь на воде.

Какие хоры пели нам вчера,
гремела песня все звучней, звучней,
и лишь о кислом запахе дымка
не пелось в ней!

А тот ручей, что нас на помощь звал
весь прошлый год и горько плакал вслух,
мы высмеяли досуха его, —
теперь он сух.

Зато во сне: дожди, дожди, дожди.
Проснешься — поезд мчится по путям,
летит по шпалам тлеющим укор
из будущего — к нам...

ОБЛАЧНАЯ ЭЛЕГИЯ

В дверях арсенала
усталый солдат
глядит, как по небу
идут облака.

Идут в самоволку,
шапки в руках,
спешат на какой-то
бал голубой.

Привет передайте
рощам и птицам
и мотоциклам,
гравий грызущим!

Черное просит,
чтоб вымыли добела,
белое просит,
чтоб взяли с собой.

Облака, облака
идут, идут,
народ усталый
в дверях стоит.

Стоит и смотрит:
ладья переполнена,
еще одна просьба—
не доплывет.

ЧЕЛОВЕК, ВСПАХАННАЯ ЗЕМЛЯ

Пашите под зиму землю!
Спасибо, я уже вспахан.
Сгребайте, жгите, отваливайте, бороните,
все перепахивается, выкорчевывается, переслаивается.
Из земли ты вышел...
Но вспаханной.
Дискуют тебя, перепластывают,
заботятся — да уж больно.
Смущенный такой непомерной заботой,
едва отдышавшись, спохватишься жить.
Единственное, что нас отличает
от тех, кто ткет для деревьев корни,—
это наша зримая жизнь — дыхание.
О нет,
апрельской ранью земля
дышит чем-то таким,
что становится ясным:
это их, это их дыхание.
...Землей? Спасибо, я и так уже ею рождаюсь.
Это долго не будет. Ибо это не только рождение;
это пере-рождение, сокращенное болью.
Оставайтесь на вашем прибрежном песке

у водных лыж,
ожидаю прилива.
А мне на сегодня хватит и двух лемехов.
Ибо Птичий Путь в небесах — смотрите — кишмя кишит,
стольким там делать нечего!
И мне не взлететь уже больше к птицам небесным...
Надо остаться землей,
вспаханною землей.

ЗАМОК АКБАРА. КОРОЛЬ ИГРАЕТ ЖИВЫМИ ФИГУРАМИ

Живые фигуры в играх.
Так короли хотят.
Кто-то тайком кажет фигу,
но делает что велят.

Слон по приказу умчался.
Грозен ладьи взор:
так велит его светлость —
за пешками нужен надзор.

Играет король хмуро
и верит в эту игру.
Попробуй не верить, если фигуры
дрожат, как на ветру!

Дама замрет восторженная,
почуяв в одну из минут,
что для нее тоже
тонкую сеточку ткут.

Все делается деловито,
всех пот прошибает седьмой.
Все всерьез — даже это копыто,
что конь занес над тобой.

Король — он непобедим.
Одно его донимает —
все кажется, что и с ним
давно уже кто-то играет.

РОСТОВСКИЕ КОЛОКОЛА

От белых башен
до черной деревни
являя зори
сквозь мрак и тучи,
язык бессмертный,
язык певучий
сквозь плиты времени
пробился, древний.

Скорбь окских балтов?
Напевы кривичей?
Моложе молодости
корневище;
летит и крепнет
в небесном кличе,
неудержимое
от времени чище.

Немое озеро
небес бездонней,
но откликается
оно глубинами;
как будто в поисках
твоих ладоней
рокошет колокол,
звучит былинами.

Не погребальный,
он все напевней;
путь возвещая
твой добровольный,
летит веками
звон колокольный
от белых башен
до Черной деревни.

РУБЛЕВ. «СПАС НЕРУКОТВОРНЫЙ»

Он смотрит из окна,
не важно, из какого —
из дома своего
или тюрьмы,

или из окна коммунальной
квартиры —
все равно.
Он смотрит.
Время смыло
глину, солому, кирпич,
бетон —
время смыло
покорные плечи,
смыло руки вместе с гвоздями,
смыло возможность крыльев.
Время вокруг него
оставило доску —
бурую воду, твердую дорогу
голодных бдений.
Время — это доска,
чтоб увидели мы —
как.
Он смотрит в окно.

СМЕРТЬ НЕРУДЫ

В железных рощах пора бурения.
Соленое вязкое клочкотание.
Из птиц — ни одной.
И вдруг — откуда?
из вечных лесов каких?
из каких рождающихся вулканов? —
человеческий голос.
Струйка дыма? жила ручья? солнечная струна?
На одной странице с ищейками.
В жизни одной со своими убийцами.
Вылупившись из своих голосов,
при рождение уже обреченный, но и
обреченно рождающийся опять —
человеческий голос.
Свергнутый
со всех колоколен,
крадется он по скрипучим
неразумеющим лестницам
и видит, что слишком рано,
чувствует — но крадется.
Лишь человеческий голос
оправдывает правды,

лишь человеческий голос
правдой делает их.
Летит из столетья в столетие
с пыльцой в спасительных лапках.
Блуждающий огонек? светлячок? мотылек,
устремляющийся к огню?

Всем доступный и всем понятный —
одиноким, но и единственный —
человеческий голос.

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Птицы, большие и малые птицы,
всем пора уже просыпаться!
Это неправда, что гордые звезды
небо заполнили до отказа.

Место есть всем на земле и на небе.
Что мироздание?

Просто провинция.
И если так — чтобы птицы взлетели,
звезды подвинутся. Звезды подвинутся.

ТЛЕЮЩИЙ ВЕЧЕР

Красной какой работой
весь небосвод охвачен!
Утренних мыслей нет,
все мысли — сегодняшние.
Скоро луна придет
свой звездный товар разворачивать.
Завтрашний день обещает быть,
судя по ветру, хорошим.

Весь небосвод горит.
Что-то от дальних плато,
от улиц крикливых — такое
поднимается вверх,
что спать не дает, заставляет
ко всему возвращаться взглядом.
Как поживает твой океан,
капелька-человек?

Твое пробуждение несет
возможности фантастические —
стать тенью на стенке дома,
окаменевшим кладбищем.
Какую ты тяжесть несешь,
что кланяешься так низко?
Сегодняшних мыслей нет,
все — завтрашние.

ПОКА НАУЧИШЬСЯ ТЕРЯТЬ

Пока научишься терять,
о, пока научишься...

Тебе казалось — этот снег,
застывший в воздухе,
он тебя будет ждать,
подождет —
пока ты научишься.

И цвести будут яблони,
пока мудрости ты наберешься.

Но прозвенел звонок, прозвенел.

И дождь на рамках оконных,
и сквозь пальцы песок,
и первые уходящие из твоего поколения
(даже рукой не махнули) —
все это еще первые буквы
алфавита.

Потом ты будешь учиться счету.
Будешь считать безрадостные пробуждения,
мокрые, словно одежда, осенние вечера,
и свой пульс
в пустой комнате бессонницы.
Арифметика — основа математики.

Пока научишься терять,
научишься рисовать белого слона надежды
и выучишь самый прелестный из иностранных
языков —
молчание.

Петь необязательно.
Но, пока учишься терять,
и петь научишься.

Еще научишься быть снегом,
снегом и яблоней — одновременно.

Спасибо любимой школе,
спасибо добрым учителям!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖАВОРОНКА

— Жаворонок, птичка-невеличка,
что ты видел в небе?
— Видел, как сгорает старый замок,
видел, как возводят замок новый.
— Жаворонок, птичка небольшая,
кто там пел так громко?
— Пели люди, замок разрушая,
и другие, строившие, пели.
— Жаворонок, птичка-невеличка,
кто там плакал в небе?
— Те, кто замок строили, рыдали.
Те, кто поджигали, слезы лили.
— Жаворонок, птичка небольшая,
был ли ты на небе, в самом деле?
— Видишь стебелек заиндевелый?
Это волос бога поседелый.

ТАЛСИНСКАЯ ТРУБА

Еще колокол спал беспробудно,
а до слуха прохожей толпы
донеслись уже странно и чудно
сиротливые звуки трубы.
Заглушили крикунью ворону.
А трубач, продолжая играть,
осторожно спустился по склону
и ступил на озерную гладь.
Он в воде был уже по колено,
он под ноги себе не смотрел,
выводил за коленом колено,
словно что-то напомнить хотел.

Пела, словно сердца созывала
на великое дело, труба,
и полуденный зной разрывала,
и сверкала в лучах, как судьба.
Шелестели кусты, беспокоясь,
а трубач все трубил и трубил,
он уже погрузился по пояс,
словно в озере песню топил.
Было страшно за музыку эту.
К ней уже подбиралась вода.
«Тра-та-та...» — большей радости нету,
большей мудрости нет. «Тра-та-та...»
Не пугайся, еще не втянула
воду, блещет еще над водой.
Вдруг труба захлебнулась, блеснула,
словно рыба на миг — чешуей,
и наполнилась влагой зеленой.
Так в бокал наливают вино.
А трубач все трубил, непреклонный,
все трубил, погружаясь на дно.
Смолк... Сменил его колокол местный.
Но не хмурь в одиночестве лба:
что ни ночь — слышно трубную песню,
отправляется на смерть труба.

* * *

Есть право растрясти
усталость и дремоту.
Есть право соскresti
дурную позолоту.

Есть право колдовать
над строчкой стиховою.
А патина под стать
душевному застою.

Есть право на слова,
на гнев, по кривде бьющий.
Дает на них права
день завтрашний, грядущий.

ПРЕДАНИЕ

Эти гранитные глыбы,
эти валуны,
которые нельзя собрать весной,—
это — наше прошлое.

Острых углов нет:
солнце, дождь и ветер
работают на совесть.

Но отметины сверху и в середине —
будто след молнии
или усердия
местного любителя-
каменотеса.

На такой-то странице
в верхней строке
ненаписанной книги
есть такое слово,
что подымает эти глыбы,
валуны,
которые нельзя собрать весной.

Тогда они заговорят.

НОЧЬЮ ИВАНОВОЙ, В МОКРОЙ ПШЕНИЦЕ

Лето! — я спрашивал лето устало, —
Встретимся ль мы? — Полыхали зарницы.
Лето молчало, потом прошептало:
— Ночью Ивановой, в мокрой пшенице.

Летнею ночью читал до рассвета,
стали над книгой слипаться ресницы.
Вспомнилось мне обещание это:
— Ночью Ивановой, в мокрой пшенице.

Кто нам вернет этот лиственный шелест?
Жизнь пролетающей кажется птицей.

Лето, когда же? — напомнить осмелюсь:
— Ночью Ивановой, в мокрой пшенице.

Папоротник ли зацвел в отдаленье,
или мерцает свеча и дымится?
Или, таясь, собираются тени
ночью Ивановой, в мокрой пшенице?

Ночь коротка! Туфли вымокли сразу,
лучшеними их, наверное, снится
нам эта ночь, затвердившая фразу:
— Ночью Ивановой, в мокрой пшенице.

ПОЛНАЯ ЯБЛОК БОЛЬШАЯ ТАРЕЛКА

Словно затем, чтоб замкнуть этот круг,
спустилась к ребенку, воскресшему вдруг,
полная яблок большая тарелка.

Боже, как мир этот хрупок и тонок!
Чего ты хотел бы, воскресший ребенок?
— Полную яблок большую тарелку!

В день благодати и в ночь без сознания,
до, и во время, и после страданья —
полную яблок большую тарелку!

Вдруг разобьется она, мой сыночек?
...Небо не в звездах, а в яблоках ночью —
полная яблок большая тарелка.

УТРЕННЕЕ ШЕСТВИЕ ПОЭТА

Памяти Ояра Вацетиса

1

Берега канала осень
убрала,
и река припомнит путь,
каким текла,
ветер буйно начал вывески
шатать,
море волны Даугавы

гонит вспять,
Мара дерзкую Лавизу
в гости звать,
а поэт свою газету
доставать.

Здесь, в Аркадии, алеют
плети лоз.
Астрам в холоде цвести
опять пришлось.
И каштан взрастил зеленое
ядро.
Ну-ка, снобик, покажи
свое нутро!

Ветер золото листьев
начнет терзать.
То не тучи, а поэма —
как гроза.
В вихре слышится неожиданно
скрипок стон.
И в зрачке незримом бури
стих рожден.

2

Яркий свет еще погаснуть
не успел.
И поэтому никто
не разглядел:
Он ли это, кто исчезнул
в глубине?
Нет, созвездия сместились
в вышине.

ГОРОДИЩЕ

Они вышли на минутку.
На одну тысячу лет вместе.
Из болот, из трясин
бегут огоньки, как вести.

Они вышли на один,
только на один бой.

До сих пор еще слышен плач детей
и скота мычание и вой.

Точно так же, как в то утро,
на валах шелестит дождь, как ветви.
Нам принадлежит (на минутку) это время.
Им это место — навеки.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ходит солнце лунное в небе до рассвета,
ходят звезды голые по лугам тем временам.
Тьмы не бойтесь, это ведь — хлеб дневного света,
люли-люли, песенка, спи, стихотворение.

Ночью мало страшного, со своей злодейкой
спит злодей, измученный злобным озверением.
А звезда небесная стоит с лучистой лейкой...
Люли-люли, песенка, спи, стихотворение.

По дорогам тайным льется свет втихую,
все к утру наполнят свет и откровение.
Будет чем смывать с лица эту ночь глухую.
Люли-люли, песенка, спи, стихотворение.

КЛИЧ

...соберем же скорей молоко всех надежд,
молоко всех коров, диких коз, антилоп,
не забудем кокосы и Млечный Путь...

И отмоем молочные стебли трав,
и тимьяна, и тмина, и всех обещаний.

И хоть панты марала полезней стихов
(совпадение: панты — стихи по-латышски),
соберем же и наши стихи, от которых

ни кормежки не жди, ни лекарств, ни одежды,
но стихи сберегут для далеких потомков
чистый жар, и достоинство, крови, и доблесть.

ПОСТРОЙКА КОРАБЛЕЙ

В доках глубоких,
в заводах закрытых,
в просторах небесных
и в коммунальных кухнях
(уже после полуночи)
строят корабли.

Умные и наполненные, как дети.
Возле своих песочных замков,
словно влюбленные на лугах —
люди.

И тогда, когда не строят, —
строят корабли.
Везде, где мы живем,
и даже там, где жить не суждено.
Тогда, когда нас не было
и когда нас не будет.

Нет, нельзя те заводы закрыть,
ситные доки, кухни, небо.
Незакрытое небо; непривязанные тучи.
Даже тогда, когда не строят.
Даже тогда.

ОТЕЦ, ЗАЖГИ ДЕНЬ!

Детский голос в сумерках рассветных...
Что ж, всю жизнь работай, не ленись.
Жизнь полна усилий незаметных,
без которых выдохлась бы жизнь.

Топором не перерубишь пламя,
не растопишь жарким словом лед,
посмотри: бурлящими ручьями
сок? Нет, кровь, нет, наша жизнь течет.

Если ты отец мой, на рассвете
сумеречном — яркий день зажги!
Этот зов извечный на планете
так похож на просьбу: помоги!

Здесь нельзя отделаться ответом
неопределенным: потерпи.
Выбор только между тьмой и светом,
сумерки и ложь — в одной цепи

звенья. Не отделаться мерцаньем
лампы под беленым потолком.
Только день нам служит оправданьем,
только день, зажженный за окном!

ЖДУЩИЙ ЗНАКОВ

Ободранный, истерзанный и все же
несогнутый, неразорванный,
он
все еще
ждал
знаков.

Звезды старались —
подмигивали обоими глазами,
как близорукие.
Море выбросило
после долгого баюканья
деревья и скелеты.
Вечерний небосклон пас
свои вечно линяющие стада.

Так много,
на чем гадать.
Так много, что любить.
И это
еще больше путало все.

Все знают —
какой сегодня козырь.
Но нет никого, кто сказал бы:
ставь на все!

Но знаки обозначались в уголках губ и морщинах на
лбу,
во внутренних органах, в горбах, на только что напе-
чатанных,
но уже пожелтевших страницах,

в привыкших приказывать,
но уже умоляющих голосах,

они — повсюду. Повсюду они.

Знаки не ждали —
знаки были.

ЕЩЕ РАЗ

Ночь больше не свяжет столько,
сколько за день разорвано.
Кончается тот бальзам,
что вместе срастись помогает.
На поле своей ненависти
ты с утра собираешь зерна.
Пылкие, злые пчелы
из ульев вылетают.

Нету у пчел покоя,
ничего им больше не надо,
летят над распластанным полем,
и лес, погружаясь в тень,
смотрит вослед открытым,
горячим взглядом.
Как эту ночь встретить?
Как погасить день?

И в тысячу раз последний
мой голос по ветру вьется:
это уже живая
травка, а не старника дым.
Мир уже так ненависть
постиг, что остается
одно — все начать еще раз
с ночи, глины, звезды.

СОДЕРЖАНИЕ

Подари мне. <i>Перевод Петра Вегина</i>	3
В сад. <i>Перевод Петра Вегина</i>	3
Как спят дети. <i>Перевод Петра Вегина</i>	4
«На земном шаре...» <i>Перевод Петра Вегина</i>	5
Крылья. <i>Перевод Петра Вегина</i>	6
Старой Риге. <i>Перевод Петра Вегина</i>	6
Детство. <i>Перевод Александра Кушнера</i>	7
Курземская баллада 1947 года. <i>Перевод Петра Вегина</i>	8
Послевоенные годы, слепой художник показывает свои картины. <i>Перевод Петра Вегина</i>	9
«Как цветет природа...» <i>Перевод Петра Вегина</i>	10
На башне серебряно-серой... <i>Перевод Юнны Мориц</i>	11
Зарастающее озеро. <i>Перевод Надежды Мальцевой</i>	12
Пробег. <i>Перевод Юнны Мориц</i>	12
Зеленое кукурузное поле. <i>Перевод Александра Кушнера</i>	13
Человек разговаривает с лошадью. <i>Перевод Петра Вегина</i>	13
День укропа. <i>Перевод Владимира Микшевевича</i>	14
Торф горит. <i>Перевод Александра Кушнера</i>	15
Облачная элегия. <i>Перевод Олега Чухонцева</i>	15
Человек, вспаханная земля. <i>Перевод Олега Чухонцева</i>	16
Замок Акбара. Король играет живыми фигурами. <i>Перевод Петра Вегина</i>	17
Ростовские колокола. <i>Перевод Владимира Микшевевича</i>	18
Рублев. «Спас Нерукотворный». <i>Перевод Петра Вегина</i>	18
Смерть Неруды. <i>Перевод Олега Чухонцева</i>	19
Утренняя песня. <i>Перевод Петра Вегина</i>	20
Тлеющий вечер. <i>Перевод Петра Вегина</i>	20
Пока научишься терять. <i>Перевод Петра Вегина</i>	21
Возвращение жаворонка. <i>Перевод Александра Кушнера</i>	22
Талсинская труба. <i>Перевод Александра Кушнера</i>	22
«Есть право растрясти...» <i>Перевод Александра Кушнера</i>	23
Предание. <i>Перевод Грейнема Ратгауза</i>	24
Ночь Ивановой, в мокрой пшенице. <i>Перевод Александра Кушнера</i>	24

Полная яблоч большая тарелка. <i>Перевод Юнны Мориц</i>	25
Утреннее шествие поэта. <i>Перевод Грейнема Ратгауза</i>	25
Городище. <i>Перевод Александра Ткаченко</i>	26
Колыбельная. <i>Перевод Юнны Мориц</i>	27
Клич. <i>Перевод Юнны Мориц</i>	27
Постройка кораблей. <i>Перевод Петра Вегина</i>	28
Отец, зажги день! <i>Перевод Александра Кушнера</i>	28
Ждущий знаков. <i>Перевод Петра Вегина</i>	29
Еще раз. <i>Перевод Петра Вегина</i>	30

Марис Албертович ЧАКЛАЙС

ЖДУЩИЙ ЗНАКОВ

Стихи

Редактор Е. А. Антошкин

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 12.11.87. Подписано к печати 11.01.88. А 10306. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,57. Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 150000 экз. Зак. № 1601. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.